

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ:

История и методология

2021

II

*Журнал выходит два раза в год
с 2019 года*

Москва
ИВ РАН

ISSN 2686-8202

DOI: 10.31696/2686-8202-2021-2

Периодическое издание

**Учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации**

Главный редактор
к.и.н. *Пахомова Мария Андреевна*

Заместитель главного редактора
к.филол.н. *Франгулян Лилия Рубеновна*

Редакционная коллегия

Ванина Е.Ю., д.и.н.

Долгов Б.В., д.и.н.

Захаров А.О., д.и.н.

Костыркин А.В., к.филол.н.

Кузнецов В.А., к.и.н.

Куликов А.М., к.и.н.

Милеев Д.А.

Миняжетдинов И.Х., к.и.н.

Панарин С.А., к.и.н.

Сафонова Н.В.

Смирнова Е.В.

Тутнова Т.А., к.и.н.

Фомичёва Е.А., к.и.н.

Шарафетдинова А.И., к.и.н.

Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, кабинет 330

Дизайн обложки — к.и.н. *А.В. Сарабьев*

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

ORIENTAL STUDIES:

History and Methodology

2021

II

*Published twice a year
Since 2019*

Moscow
IOS RAN

ISSN 2686-8202

DOI: 10.31696/2686-8202-2021-2

**The journal was founded by the Academic Council
of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation**

Editor-in-Chief

Maria A. Pakhomova

Deputy Editor-in-Chief

Lilia R. Frangulian

Editorial board

Alexander V. Kostyrkin	Ekaterina V. Smirnova
Alina I. Sharafetdinova	Eugenia Y. Vanina
Andrey M. Kulikov	Ildar H. Minyazhetdinov
Anton O. Zakharov	Natalia V. Safonova
Boris V. Dolgov	Sergei A. Panarin
Dmitry A. Mileev	Tatiana A. Tutnova
Elena A. Fomichova	Vasily A. Kuznetsov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., room 330, Moscow, Russia, 107031

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ

М. А. Пахомова

Западное и восточное, научное и практическое востоковедение 9

I. ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ЦЕНТРОВ: ВОСТОЧНЫЕ СОБРАНИЯ

А. В. Мешезников, С. Х. Шахмадов

История изучения санскритских рукописей Сериндийского фонда
ИВР РАН 12

Л. Р. Франгулян

Восточные собрания Британской библиотеки: вклад и судьба Эрнеста
Уоллиса Баджа (1857–1934). Часть вторая..... 24

II. ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Ю. С. Мылзенова

Изучение японских сложных глаголов вида V–V в работах европейских
исследователей XIX и XX ВЕКА..... 31

Н. В. Сафонова

Радикализации мусульман во Франции: медийный и академический
дискурс в XXI веке 38

III. МЕТОДОЛОГИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. П. Глушкова

«Под Небом Южной Азии»: десять лет «поворотов» в поисках
«эмоционального сообщества» 45

IV. ВОСТОКОВЕДЫ И ИХ ТРУДЫ

О. М. Кадырова

Зоя Михайловна Шаляпина и ее вклад в развитие автоматического
перевода..... 58

Г. В. Кондратенко

Конstellация сюжетов в книге Ф. В. Соловьёва «Китайское
отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма
(1861–1917 гг.)» 62

V. ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: НА ХРИСТИАНСКОМ ВОСТОКЕ

Е. В. Смирнова

Фадлалла Сарруф — переводчик Русской духовной миссии в Иерусалиме
и лектор С.-Петербургского университета 68

VI. НАЦИОНАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ НА ВОСТОКЕ

Ю. А. Аверьянов

Турецкая историография конца XX — начала XXI вв. о православных
институциях в Османской империи периода 1453–1821 гг.: методы
и подходы 80

VII. ЭПОХА: ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Л. П. Черникова

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС, 1925–1958)
как источник востоковедных исследований. Часть вторая 95

С. А. Шерстюков

«Большевикам пустыни и весны»: советские писатели «открывают»
Среднюю Азию (1930 г.) 106

К. А. Демичев

Актеры сикхской истории: опыт советского востоковедения 121

VIII. ИСТОРИЯ ИДЕЙ

И. А. Мусинова

Взгляд современных южнокорейских исследователей на ориентализм
и окцидентализм: поиск перспективных научных методологий
и подходов 131

М. В. Кирчанов

Модернизм как язык англо-американской арабистики 141

IX. КУЛЬТУРА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

П. А. Комаровская

Народная культура Анься (г. Яньань, пров. Шэньси) и ее отражение
в картине нунминьхуа 152

Об авторах 172

CONTENTS

TO READERS

<i>M.A. Pakhomova</i> Eastern and Western, Academical and Practical Oriental Studies	9
---	---

I. HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA AND ABROAD

<i>A. V. Meshezhnikov, S. H. Shomakhmadov</i> The Study of Sanskrit Manuscripts of the Serindia Fund in the IOM RAS	12
<i>L. Frangulian</i> Middle East Collections of British Library: Ernest Wallis Budge's (1857–1934) Contribution And Fate. Part Two	24

II. HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA AND ABROAD

<i>Y. S. Mylzenova</i> Study of Japanese Complex Verbs V–V in the Works of European Researchers of XIX and XX Century	31
<i>N. V. Safonova</i> Radicalization of Muslims in France: Media and Academic Discourse of the XXI Century	38

III. METHODOLOGY OF ORIENTAL STUDIES

<i>I. P. Glushkova</i> «Under the Skies of South Asia»: Ten Years of «Turns» in Search of «Emotional Community»	45
---	----

IV. ORIENTALISTS AND THEIR STUDIES

<i>O. M. Kadyrova</i> Zoya Mikhailovna Shalyapina and Her Contribution to the Development of Automatic Translation	58
<i>G. V. Kondratenko</i> The Constellation of Narratives in the Book by F. V. Solovyov «Chinese Otkhodnichestvo in the Russian Far East in the Era of Capitalism (1861–1917)»	62

V. ORIENTAL STUDIES IN PRACTICE: ON THE CHRISTIAN EAST

E. V. Smirnova

The Russian Ecclesiastical Mission Interpreter and Saint Petersburg
University Lecturer Fadlallah Sarruf..... 68

VI. NATIONAL HUMANITIES SCHOOLS ON THE EAST

I. A. Averianov

Turkish Historiography of the Late XX — Beginning XXI Centuries
on Orthodox Institutions in the Ottoman Empire about 1453–1821:
Methods and Approaches..... 80

VII. THE EPOCH: ORIENTAL STUDIES IN THE SOVIET PERIOD

Larisa P. Chernikova

All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS,
1925–1958) as a Source for Oriental Studies. Part Two..... 95

Sergey A. Sherstyukov

«To the Bolsheviks of the Desert and Spring»: Soviet Writers «Discover»
Central Asia (1930) 106

K. A. Demichev

Actors of Sikh History: the Experience of Soviet Oriental Studies..... 121

VIII. INTELLECTUAL HISTORY

I. A. Musinova

Orientalism and Occidentalism in South Korea: in the Search of New
Methodology and Approaches..... 131

Maksym W. Kyrchanoff

Modernism as a Language of English and American Arabic Studies..... 141

IX. WORLDVIEW AND CULTURES

P. A. Komarovskaya

The Folk Culture of Ansai (Yan'an, Shaanxi) and its Reflection in Local
Peasant Painting (Nongminhua) 152

About Our Authors..... 172

III. МЕТОДОЛОГИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. П. Глушкова

«ПОД НЕБОМ ЮЖНОЙ АЗИИ»: ДЕСЯТЬ ЛЕТ «ПОВОРОТОВ» В ПОИСКАХ «ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА»

Статья посвящена итогам десятилетней работы Междисциплинарной проект-группы «Под небом Южной Азии» (ПНЮА) и анализирует эмоциональный фон, предшествующий в 2011 г. ее созданию. Расположенные «под небом» государства, т.е. Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланка и Мальдивы, составляют наиважнейший мировой регион с 1/5 населения земли и связаны друг с другом исторически, политически, культурно и экономически. Различные виды научного взаимодействия — семинары, конференции и итоговые публикации в виде мультимедийных томов — соединяют их между собой проблемными вопросами современного бытия, заданными тактикой и стратегией инновационного востоковедения и сопутствующими научными «поворотами»: визуальным, мобильным, специальным, коммуникативным, эмоциональным и пр. в гуманитарных и социальных дисциплинах XXI в.

Ключевые слова: Южная Азия, ПНЮА, визуальный поворот, мобильный поворот, специальный поворот, коммуникативный поворот, эмоциональный поворот.

Irina Glushkova

«UNDER THE SKIES OF SOUTH ASIA»: TEN YEARS OF «TURNS» IN SEARCH OF «EMOTIONAL COMMUNITY»

The article sums up the results of a decade long work of the Interdisciplinary project group «Under the Skies of South Asia» (USSA) and analyzes the emotional background preceding its formation in 2011. Located «under the skies» the states of India, Pakistan, Bangladesh, Nepal, Bhutan, Sri Lanka and Maldives constitute the most diversified world region embracing 1/5 of its population. They are connected to each other historically, politically, culturally and economically while the USSA project probes their interrelatedness by various forms of academic interaction — from seminars to conferences to final publications of multimedia volumes, and innovative methodology of «turns» in the humanities and the social disciplines as set up by the problematic issues of modernity and tactics and strategies of the new approaches in the Oriental Studies.

Keywords: South Asia, USSA, visual turn, mobile turn, spatial turn, communicative turn, emotional turn.

DOI: 10.31696/2686-8202-2021-2-45-57

Трудно оторвать взгляд от драматичных лиц мужчины и женщины, кажется, на пике выяснения отношений на пронзительно-желтом переплете только что вышедшей книги «Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: введение в стандарты и практики эмоций»¹. Напряженный диалог продолжают выразительные руки его

¹ Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: стандарты и практики эмоций / Рук. проекта и отв. ред. И.П. Глушкова. М.: ИДВ Восточная литература, 2021. 917 с.

участников, воспроизведенные двумя фрагментами на задней стороне переплета. Пятый том междисциплинарного проекта «Под небом Южной Азии»/ПНЮА обдумывался и писался несколько лет, и его 917 страниц вкупе с объемом предыдущих четырех томов довели общий листаж нашей группы до 4170 листов². Связанные с этим томом еще неизжитые чувства, аффекты, настроения и прилив радости и гордости (we did it!) невольно проникли в этот обзор, которым мы поздравляем самих себя с декадой изучения новых методологий современной гуманистики и выходом очередного из задуманной серии тома, возвращенного в результате «пахоты девственной почвы»³ неисследованной эмоциональности Южно-Азиатской семерки — Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала, Бутана, Шри-Ланки и Мальдив.

Рациональное зерно эмоций и гимн стимулирующей скуке

Профессиональная жизнь в любой сфере насыщена эмоциями, однако профессии категории «человек—человек», требующие постоянного межличностного общения, в наибольшей степени подвержены аффективным встряскам. В период обучения и подготовки к предстоящим полетам стюардесс намеренно ориентируют на вежливую улыбку (polite smiling), своего рода сигнальную функцию (signal function) устойчивого позитивного состояния — «у нас все хорошо!», за которой тем не менее могут прятаться раздражение, страх, неприязнь и другие негативные ощущения. А участник, например, проводимой «для галочки» или «под дату» научной конференции, превозмогая скуку и/или бешенство от общего официоза и говорливости иного докладчика, вынужден удерживать на лице благостное выражение. В обоих случаях общая трансляция приветливости создается эмоциональным трудом (emotional labor), описанным социологом Арли Рассел Хохшильд в уже классической работе «Управляемое сердце. Коммерциализация человеческого чувствования»⁴.

Постоянная регуляция, т.е. дисциплина подавления и возбуждения, чувств, безусловно, является обязательным навыком множества профессий, включая научную деятельность, хотя последней часто приписывают отстраненность и бесстрастность, увязываемые с рациональностью. Это не так: легенда об Архимеде с криком «Эврика!» и пробегом по сиракузским улицам нагишом живописует безудержный взрыв позитивных эмоций вслед за великим озарением. Минуты, часы, дни и большие периоды разочарования, негодования, раздражения и ярости знакомы всем, далеко не-Архимедам, кто тщится расшифровать древний текст или соединить известные звенья в непротиворечивую систему; не менее эмоциональны неформальные разговоры в «чайных» перерывах конференции, более раскованные, чем оценки, высказываемые при публичном обсуждении. Запоздалое признание того, что деятельность «сухарей от науки» сопровождается широким спектром переживаний именно профессионального характера, воздействующих на научные результаты, привело к выделению отдельной категории «исследовательские эмоции», в результате чего из эпифеномена они превратились в объект самостоятель-

² См. <https://ivran.ru/pnuu>. Подробный обзор деятельности МПГ ПНЮА см. *Ванина Е.Ю.* Проект ПНЮА — 10 лет: «под небом» и «на земле» Южной Азии // Вестник Института востоковедения РАН, 2021. № 2 (16). С. 234–240.

³ Этой метафорой более 30 лет назад американский антрополог Оуэн М. Линч охарактеризовал ситуацию с изучением эмоций в Индии: *Lynch Owen M.* Introduction // *Divine Passions. The Social Construction of Emotion in India.* // Ed. by Owen M. Lynch. Delhi: Oxford University Press, 1990. P. 3–36.

⁴ *Hochschild Arlie Russel.* The Managed Heart. Commercialization of Human Feeling. Berkeley, CA: University of California Press, 1983. 307 p. В контексте теории Хохшильд концепт emotional labor я бы предпочла переводить как «эмоциональные усилия» или «эмоциональное понуждение».

ных исследований:⁵ «Мы знаем, что проведение исследования — это весьма насыщенный эмоциональный опыт. Материал, в котором мы не находим ответа, приводит нас к разочарованию; мы испытываем злость по поводу агрессивного вопроса на конференции; отчаяние, когда рецензенту не нравится наша работа и, конечно, радость, когда неожиданно все кусочки складываются в общую картину и хитросплетение каким-то образом распутывается. Эмоция представляет собой не вторжение в наш исследовательский процесс, но составляющий его элемент»⁶. Вышеприведенные примеры, как и это высказывание, упоминают лишь несколько контекстов разного порядка, связанных с перепадами чувств преимущественно в кабинетно-аудиторном пространстве — индивидуальном и общем, и не описывают широкий спектр эмоций, неизбежных в рабочем процессе в «полях», представляющих зоны столкновения языковых и идеологических шаблонов, политических и социальных установок, диетарных и гигиенических режимов и т.д.

Импульсом к появлению в 2011 г. междисциплинарного проекта «Под небом Южной Азии», как мне видится по прошествии десяти лет, стал сгусток «исследовательских», вернее, «исследовательско-коммуникативных», эмоций как раз академического свойства. В этом «клубке» скрутились «скука», «разочарование», «смущение», «отчаяние», «недоумение», «зависть» и «гнев» и прочие не самые симпатичные перепады настроений⁷, триггером которых становился углубляющийся разрыв между отечественной индианистикой и мейнстримом мировых South Asian Studies. Мой опыт тесного взаимодействия с коллегами из *Maharashtra Studies Group (MGS)* и *Regional Bhakti Scholars Network (RBSN)* и участие в регулярных конференциях *Maharashtra: Culture and Society* и *European Association of South Asian Studies (EASAS)*⁸ навязчиво свидетельствовал: «они» и «мы» говорим на терминологически разных языках, «мы» не участвуем в дискуссиях о новых методологиях и не применяем их, «они» и «мы» фокусируем внимание на совершенно разных предметах и процессах; «они» и «мы» придаем значение совершенно разным историко-социальным вехам и «мы» в значительной степени остаемся в плену ориенталистских форм и стереотипов, игнорируя современное расчленение привычных сфер на множество новых дисциплин с собственными предметами исследований и методологиями⁹. Наконец, в отличие

⁵ См., например, *Bondy Liz*. Chapter 17. The Place of Emotions in Research: from the Partitioning Emotion and Reason to the Emotional Dynamics of Research Relationship // *Emotional Geographies* / Ed. by Joyce Davidson, Liz Bondy & Mick Smith. Aldershot: Ashgate, 2005. Pp. 231–242; *Davies James, Spencer Dimitrina*. Emotions in the Field: The Psychology and Anthropology of Fieldwork Experience. Stanford (California): Stanford University Press, 2010. 288 p.; Emotion and the Researcher: Sites, Subjectivities and Relationships. Vol. 16 (Studies in Qualitative Methodology) / Ed. by Tracey Loughran, Dawn Mannay Dawn. Bingley (UK): Emerald Publishing Limited, 2018. 242 p.; *Lo Bosco Maria Concetto*. Feelings in the Field. The Emotional Labour of the Ethnographer // *Anthropology in Action. Journal for Applied Anthropology in Policy and Practice*, 2021. URL: <https://www.berghahnjournals.com/view/journals/aia/28/2/aia280202.xml> (access date 16.10.2021); *Pernau Margrit*. Studying emotions in South Asia // *South Asian History and Culture*, vol. 12, nos 2–3, 2021. Pp. 111–128.

⁶ *Loughran Tracey, Mannay Dawn*. Introduction: Why Emotions Matter // *Ibid*. P. 2.

⁷ Здесь перечислены составляющие моего личного эмоционального настроения, которые можно назвать «вторичными исследовательскими эмоциями», поскольку они возникали в процессе академических коммуникаций, а не были реакциями на мои собственные исследования (хотя конкретные виды работ, например, составление глоссария или расписка текстов точно навевают скуку).

⁸ «Группа по изучению Махараштры» (Махараштра — исторический регион и современный штат в Западной Индии) и «Объединение ученых, изучающих региональное бхакти» (бхакти — средневековая модификация индуизма); «Махараштра: культура и общество» и «Европейская Ассоциация Южно-Азиатских исследований».

⁹ Этот разрыв отнюдь не нов, более того: в 1990-е гг. был осуществлен качественный прорыв в сторону сближения научных дискурсов постперестроечной России и Запада/Востока, динамика которого впоследствии была утрачена или же обошла отечественную индианистику стороной.

от «них», «мы» почти растратили лингвистическое богатство, накопление которого неуклонно нарастало с 1930-х гг., — владение хотя бы основными языками странства от Непала до Мальдив¹⁰, и в этом плане стали совершенно неконкурентными с зарубежными коллегами.

Философ Марта Нуссбаум связывает производство эмоций с ценностными и этическими критериями, т.е. фактически с оценкой (*judgment/appraisal*), что неизбежно превращает эмоции в аспект мысли (*aspect of thought*), о чем свидетельствует четко сформулированный титул (и содержание) одной из ее книг «Потрясения мысли: разум эмоций»¹¹. Социолог и экономист Джеймс М. Джаспер также входит в число тех, кто находят «разум» в самой эмоции, что обеспечивает ее оценочную (*appraisal/evaluation/judgment*) функцию, хотя и не единственную. В его понимании, эмоции — это «процессоры информации о мире», выдающие феноменальные по своей точности и пользе результаты, намного более скоростные, чем ответственные за переработку данных секторы мозга, что «помогает нам формулировать траектории действий в качестве ответа на то, что мы осваиваем»¹². Они являются продуктом «думающих сердец»¹³, как отражено в названии предисловия к главному труду Джаспера об эмоциях протеста — *Thinking Hearts*, а не «читающего мозга», как свидетельствует первая глава — *Beyond the Calculating Brain*. Предмет своего изучения Джаспер называет «чувствованием-думанием» (*feeling-thinking*), исключительно для удобства сократив его до «чувства» (*feeling*).

Оставаясь в рамках своих подходов и исходного материала, Нуссбаум и Джаспер обнаруживают в эмоциях четкий посыл к действию для решения конкретных жизненных проблем, что снимает традиционное противопоставление между *emotion* и *ratio*, хотя оба признают за разными эмоциям различный потенциал к действию. Последние исследования обнаруживают такую способность как раз в скуке, весьма тревожном и нередко отвратительном ощущении. Название статьи психологов Виджнанда ван Тилбурга и Эрика Игу уже раскрывает главную позицию исследователей — «О скуке. Отсутствие вызовов и смыслов как явное свидетельство переживания скуки. Мотивация и эмоции»¹⁴: «Ощущение отсутствия «вызовов» и восприятие

¹⁰ См. подр. Глушкова Ирина. Идея этого раздела // *Язык до Индии доведет. Памяти А.Т. Аксёнова* / Отв. ред. И.П. Глушкова. М.: Восточная литература, 2008. С. 243–253. Этой печальной проблеме был посвящен мой доклад на VIII съезде российских востоковедов в Казани (2013) — «Утрата индийской регионалистики как исследовательского направления и проект-группа “Под небом Южной Азии”».

¹¹ *Nussbaum Martha*. *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Эмоциям как суждениям/оценкам посвящен первый раздел Части I книги: *Emotions as Judgments of Value*, P. 19–88.

¹² *Jasper James M*. *The Emotions of Protest*. Chicago–London: The University of Chicago Press, 2018. P. 8.

¹³ Фольклорная модель представляет сердце и душу как емкости, где коренятся эмоции, хотя последняя вообще не является анатомическим органом. По свидетельствам нейронаук, разные эмоции связаны с разными участками мозга.

¹⁴ *Van Tilburg W.A.P., Igou E.R.* On boredom: Lack of challenge and meaning as distinct boredom experiences // *Motivation and Emotion*. Vol. 36. No. 2. 2012. P. 181–194.

Перевод названия этой статьи напоминает, что до недавнего времени в русском языке не было аналога английского *challenge* [(the situation of being faced with) something that needs great mental or physical effort in order to be done successfully and therefore tests a person's ability: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/challenge> (access date 17.10.2021)], для передачи которого приспособили «вызов», имевший ранее совсем другую семантику. Некоторые словари русского языка фиксируют новый семантический оттенок старой лексики четвертым порядковым номером, помечая его как неологизм и затрудняясь привести примеры [«трудная проблема, для решения которой требуются большие усилия, смелость. Отсутствует пример употребления» <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B2%D1%8B%D0%B7%D0%BE%D0%B2> (access date 17.10.2021)]. Такая же ситуация в контексте *challenge* и с лексемой *meaning*. То есть наделение привычных «вызова» и «смысла» новыми значениями по сути является созданием новой терминологии, отвечающий требованиям

собственной «деятельности как бессмысленной» являются в скуке основными, в то время как другие корреляты — «неудовольствие» (unpleasantness), «отсутствие интереса» (lack of interest) или «разъединенность» (disengagement) могут присутствовать в других эмоциях, например, в печали (sadness)¹⁵. То есть скука как аффективное состояние сообщает человеку что-то о нем самом и ситуации вокруг него, нацеливает на поиски «challenge» и «motivation», своего рода психо-физиологических регуляторов его поведения, и вынуждает прикладывать усилия к делам, в которых он видит больше смысла, чем в тех, что есть у него под рукой. Ван Тилбург и Игу определяют скуку не как мимолетный опыт, но как протяженно-воспроизводимый фактор: «...это рутинная, переживаемая, связанная с основной потребностью человека в осмысленной и сложной деятельности»¹⁶.

В последнее десятилетие скука вообще вышла на первые позиции как объект исследования в психологии. Андреас Элпидороу, называющий себя «защитником скуки» от ее негативной трактовки, в статье «Положительная сторона скуки» объясняет: «В общих чертах картина выглядит следующим образом: в силу своих аффективных, волевых и когнитивных аспектов скука мотивирует стремление к новой цели, когда текущие цели перестают быть удовлетворительными, привлекательными или значимыми... Скука — это одновременно и предупреждение о том, что мы не делаем того, что хотим, и «толчок», который мотивирует нас менять цели и проекты. Ни апатия, ни неприязнь, ни разочарование не могут выполнить функцию скуки»¹⁷. Элпидороу утверждает, что скука способствует достижению альтернативных целей: «[О]на «выталкивает» нас из этой нестимулирующей, неинтересной или сложной ситуации в другую... [и] в конечном счете ведет к восстановлению приятия нашей деятельности как значимой и соответствующей общим проектам человека... Скука — это важно»¹⁸.

Наконец, Санди Манн завершает свою книгу с каверзным названием «Наука скуки. Плюсы (и минусы) простоя»¹⁹ главой-гимном «Преимущества скуки», подтверждая экспериментами, что эта эмоция / настроение / диспозиция / состояние играет эволюционную роль и что скучающие люди мыслят более творчески, чем остальные, т.е. признает скуку катализатором креативности. YouTube предлагает анонсы к ее лекциям — «Что такое скука, и почему мы должны ее любить», «Почему скука приносит вам пользу»²⁰, «Как скука может привести к самым блестящим вашим идеям», в которых она объясняет основные постулаты своей теории.

Возвращаясь рефлексиями 2011 г., когда замысел ПНЮА, настоявшийся в стужке негативных чувств, вырвался на свободу, я вспоминаю, что первая оформленная мысль о проекте — с точным перечислением пяти первых тем²¹ — полетела смс-кой

современного научного дискурса, именно поэтому я предпочла употребить оба слова во множественном числе, усилев неопределенность / неоднозначность в русскоязычном контексте.

¹⁵ Ibid. P. 182.

¹⁶ Ibid. P. 193.

¹⁷ *Elpidorou Andreas*. The bright side of boredom // *Frontiers in Psychology. Theoretical and Philosophical Psychology*. Vol. 5, article 1245, 2014.

¹⁸ Ibid. P. 2–3.

¹⁹ *Mann Sandi*. The Science of Boredom. The Upside (and Downside) of Downtime. London: Robinson, 2017. 336 p.

²⁰ URL: https://www.google.com/search?xsrf=AOaemvKljZVXL5jINQY80iy271da4MjKuQ:1637421824427&q=sandi+mann+boredom&sa=X&ved=2ahUKewixmcTRn6f0AhVEiqQKHdm_AuEQ7xYoAHoECAEQNg&biw=1280&bih=609&dpr=1.5 (access date 18.10.2021).

²¹ Эти темы и реализовались в пяти уже вышедших томах проекта: Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. И.Т. Прокофьева. М.: Наука—Восточная литература, 2014. С. 607; Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. С.Е. Сидорова. М.: На-

к моей коллеге по Южно-Азиатскому ареалу, когда я изнывала от ситуативной скуки в длинном перегоне метро между Ясенево и Бабушкинской. То есть междисциплинарная проект-группа «Под небом Южной Азии» появилась в результате эмоционального перенапряжения в диапазоне от «так я не хочу / мне от этого плохо» до «так я считаю правильным / мне это интересно». В русле своих политико-филологических размышлений, Нуссбаум формулирует понятную мне функцию наших, на первый взгляд случайных, порывов: «В этическом и социально-политическом сообществе эмоции сами по себе являются этическими и социально-политическими частями ответа на вопросы: “О чем стоит задумываться?”, “Как же мне жить?”»²².

А ван Тилбург и Игу постоянно отсылают к одной из своих статей с экспериментальными доказательствами того, что скука способствует «просоциальному поведению»²³. Вариант такого поведения в багаже проект-группы ПНЮА — это альтруистические десять лет проведения конференций, семинаров, воркшопов, составление подробных обзоров методологического свойства в качестве основы каждого нового тома и неустанное редактирование — от начальных тезисов до финальной продукции — в попытке создания «эмоционального сообщества»²⁴, выходящего за пределы ИВ РАН и объемлющего все постсоветское пространство. Первоначальный импульс был хорош своей внезапностью, но действительность воплотилась в тяжелой, кропотливой, не приносящей немедленного результата интеллектуальной и организационной работе. Постепенно выявились основополагающие ориентиры проекта, вернее, их триединство: концепт «Южная Азия», методологии «поворотов» и девиз «не вообще, а в частности».

Южная Азия

В отличие от длительной, восходящей (по разным источникам) еще к XII–XVII вв. истории европоцентричного реляционного термина «Дальний Восток», постепенно смещающегося все дальше и дальше от «Ближнего», биографии геополитического понятия «Юго-Восточная Азия» около 200 лет, если вести отсчет от труда американского пастора Говарда Малкома «Путешествия по Юго-Восточной Азии: с охватом Индостана, Малайи, Сиам и Китая; с уведомлениями о многочисленных миссионерских станциях и полным отчетом о Бирманской империи; с диссертациями, таблицами и т.д.»²⁵.

ука–Восточная литература, 2015. С. 911; Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. А.В. Бочковская. М.: Наука–Восточная литература, 2016. С. 799; Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. Е.Ю. Ванина М.: Наука–Восточная литература, 2017. С. 927; Под небом Южной Азии. Стыд и гордость... .

²² *Nussbaum Martha*. Ibid. P. 149.

²³ *Van Tilburg W.A.P., Igou E.R.* On boredom and social identity: A pragmatic meaning-regulation approach // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 37. No. 12. 2011. Pp. 1679–1691.

²⁴ «Эмоциональное сообщество» в значении, приданном этому концепту Барбарой Розенвейн, см. *Rosenwein Barbara H.* *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca–London: Cornell University Press, 2006. Применительно к данному случаю я имею в виду группу людей, объединенную общими «вызовами» и «смыслами», которые бы испытывали сходные переживания в процессе включенности в предметно-методологический дискурс. Одной из моих статей пятого тома предшествует следующее посвящение: «Моим друзьям–коллегам, из «эмоционального сообщества» RBSN (Regional Bhakti Scholars Network) с благодарностью за мощную поддержку в период разбушевавшейся пандемии (лето 2020)», *Глушкова Ирина*. Обуздание надежды: через надрыв к умиротворенности в песнопениях Тукарама // Под небом Южной Азии. Стыд и гордость... С. 197.

²⁵ *Malcolm Howard*. *Travels in South-Eastern Asia: Embracing Hindustan, Malaya, Siam and China; with Notices of Numerous Missionary Stations and a Full Account of the Burman Empire; with Dissertations, Tables, etc.* Boston: Gould, Kendall, and Lincoln, 1839. 432 p.

Из титула, впрочем, ясно, что «Индостан», представленный преимущественно береговой линией современной Восточной Индии, также был включен в Юго-Восток.

Концепт «Южной Азии» совсем молод. Это геополитическое наименование в виде Southern Asia впервые прозвучало в конце 1920-х гг. в travelogue англичанина Горация Блекли «Путешествие в Южную Азию: Индо-Китай, Малайя, Суматра и Цейлон. 1925–1926»²⁶, как будто увидевшего те же земли, что и Малком, но в другом географическом измерении. За исключением Цейлона–Шри-Ланки, куда Блекли заглянул под конец своего путешествия, он рассказывает о Юго-Восточной Азии. В сегодняшнем понимании «Южная Азия» (South Asia) возникла в конце 1940-х гг. для обозначения значительной части азиатской территории Британской Индии. Заслуга в конституализации этого концепта принадлежит американскому индологу У. Норману Брауну, специалисту по древней Индии. Как раз в годы Второй мировой войны он разглядел приход иного, неклассического Ориента и по его инициативе в Пенсильванском университете (г. Филадельфия) был создан факультет Южно-Азиатских региональных исследований. В дальнейшем эта модель распространилась на все учебные заведения Нового света, перекинулась в Старый, и в 1970-х гг. кафедра истории Индии Института стран Азии и Африки МГУ также была переименована в кафедру истории Южной Азии.

У этого термина были и есть сторонники и противники, в частности, он долго находился под запретом в Пакистане из-за тесных аллюзий с Индией, но в 1985 г. образовалась СААРК, Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, и вошедший в нее Пакистан смирился. По численности населения СААРК стала самой крупной региональной организацией в мире, чьи центральные и контролирующие органы раскиданы по всем странам-участницам: штаб-квартира располагается в Непале, Культурный центр — в Шри-Ланке, Энергетический центр — в Пакистане, Центр лесоводства — в Бутане и т.д. В 2010 г. члены СААРК учредили совместный Южно-Азиатский университет в Нью-Дели и стали издавать общий журнал «Общество и культура в Южной Азии» (*Society and Culture in South Asia*). Этому концепту посвящен спецвыпуск журнала «Самадж»²⁷ (SAMAJ, South Asia Multidisciplinary Journal) — «Идеи Южной Азии», которому предпослано «Введение. Воображения и конструкции Южной Азии: очаровательная абстракция?», отражающее позицию ее автора Аминаха Мохаммад-Ариха²⁸. На международном сайте политических исследований «Дипломат» Кшиштоф Иванек, эксперт по Южной Азии в польском Университете изучения войн, в статье «Корректен ли термин Южная Азия?» разместил следующее признание: «Когда 20 лет назад я поступил в Восточный институт Варшавского университета, моей специализацией была «Индология», но учреждение, в котором я учился, называлось кафедрой исследований Южной Азии (и носит это название до сих пор). Объяснение этой комбинации слов было нетрудно понять, но тогда я еще не знал, какие эмоции могут возникнуть при выборе таких терминов»²⁹.

²⁶ *Bleackley Horace. A Tour in Southern Asia (Indo-China, Malaya, Java, Sumatra, and Ceylon (1925–1926). London: John Lane–The Bodley Head Limited, 1928. 297 p.*

²⁷ Эта аббревиатура омонимична индийской лексеме со значение «общество». См. <https://journals.openedition.org/samaj/> (access date 25.10.2021).

²⁸ *Aminah Mohammad-Arif. Introduction. Imaginations and Constructions of South Asia: An Enchanting Abstraction? / 'The Ideas of South Asia. SAMAJ, no. 4, 2010. <https://doi.org/10.4000/samaj.3800> (access date 25.10.2021).*

²⁹ *Iwanek Krzysztof. Is the Term «South Asia» Correct? When should we use the word «India,» and when should we use «South Asia»? / <https://thediplomat.com/2021/03/is-the-term-south-asia-correct/> (access date 01.11.2021).*

Термин «индология» в последние десятилетия приобрел негативную коннотацию, обычно указывает на специализацию в разных аспектах индийской древности и ее ориенталистскую интер-

Примеры и казусы с Южной Азией можно множить до бесконечности, хотя нельзя отрицать, что пришедший извне концепт «лабораторного происхождения», как и многочисленные структуры под его брендом — не в последнюю очередь университеты и институты, фактически стал организовывать действительность. Вне зависимости от того, какой референт стоит за этим словосочетанием, его институализация и официальное использование достигло высокого уровня.

В Институте востоковедения РАН, однако, такой административной единицы не было и нет, а сектор Пакистана, когда-то входивший в отдел Индии, Пакистана и Цейлона, с момента появления в Институте в качестве директора арабиста Е.М. Примакова был передан в отдел, теперь Центр, Ближнего и Среднего Востока. Тем самым наш Институт как будто не усматривает географической и цивилизационной устойчивости Южной Азии, предполагая, что «идея» Южной Азии не подкреплена соответствующим объектом. С другой стороны, это же следует и из непрекращающегося противостояния Индии и Пакистана: намеченный на 2016 г. в Исламабаде 19-й саммит СААРК впервые за время существования этой ассоциации, призванной укреплять и расширять внутрорегиональные контакты, «перенесен на неопределенный срок» и не состоялся до сих пор.

Тем не менее «Международные отношения Южной Азии / в Южной Азии» или «Теория международных отношений и Южная Азия» являются обязательным предметом в специальности «Международные отношения» в университетах Запада, Азии, Австралии, в Южно-Азиатском университете в Нью-Дели и даже в школах субконтинента. В России также за Южной Азией присматривают историки и политологи (например, недавно созданные Группа Южной Азии и Индийского океана в Институте мировой экономики и международных отношений РАН и Секция исследований Южной Азии в Высшей школе экономики). Однако ставшая уже обычной на Западе и Востоке профессия *South Asianist*, для которой не существует русского аналога, выходит далеко за пределы политического спектра и опирается на сходства, различия и взаимосвязи иных сущностей. Окружающий мир, тем не менее, продолжает — разными путями, от конференций до массовых петиций поддержки или протеста — спорить о южноазиатской идентичности и «Южно-Азиатстве» (*South Asianism*), конструируя и деконструируя концепт, не обладающий эмоциональной ценностью и имеющий неопределенную пространственную протяженность, и даже создают новый — *Southasia* (в одно слово, что я перевела в пятом томе ПНЮА-серии тоже одним словом — Югоазия), поворачивая привычную карту на 180° и отправляя Мальдивы и Шри-Ланку на север, а Гималаи — на юг.

Мы не намерены быть в стороне от этого дискурса, и проект «Под небом Южной Азии» обязывает нас к пониманию того, что происходит вокруг этого концепта. Поэтому каждый том предваряется обязательным предисловием «Южно-Азиатского» характера с фиксацией того, где в настоящий момент находится или куда движется «Южная Азия», к которой разные институции периодически подключают что-то новое или исключают уже привычное. Это может быть Афганистан, примкнувший к СААРК в 2007 г.³⁰ или Мьянма как компонент учебной программы по «Южной Азии» с фактическим восстановлением параметров Британской Индии или исключение из этого комплекта Мальдив и т.д. Наконец, наш фокус на Южную Азию подразумевает мониторинг новых ассоциаций и договоров, в которые вовлекаются страны из нашего проекта. Речь идет о взаимодействии с партнерами из других ре-

претацию. В этом смысле «Кабинет индологии», открытый сколько-то лет назад Центром индийских исследований, не отвечает своему названию: специалистов по древности в ЦИИ нет.

³⁰ Проект ПНЮА не рассматривает Афганистан как часть Южной Азии. После захвата власти Исламистским движением Талибан в 2021 г. министры иностранных дел семерки проводят переговоры о возможной приостановке членства в СААРК этой страны.

гионов, т.е. о формировании иных региональных сущностей и приоритетов. Часто это вызвано не созданием более благоприятных условий для сотрудничества, а отражает сгущение «под небом Южной Азии» эмоций, в частности, распространение страха как устойчивой диспозиции. Этот страх, взрощенный далеко не только пандемией COVID-19, является стабилизатором конфликтов в регионе, т.е. свидетельствует о том, что эмоция имеет разную протяженность: она может быть как вспышкой, так и долгоиграющим фактором.

«Повороты»

Включенность в международный дискурс подразумевает владение современными методологиями исследования, если мы не хотим оставаться статистами. Этот вопрос чрезвычайно важен для всех гуманитарных и социальных наук в России, хотя именно в востоковедении, в силу его архаичности и традиционного синкретизма, проникновение новых веяний наименее заметно. По крайней мере, так обстоит дело в моей области (в отличие от индологии я предпочитаю называть ее индианистикой), что и стало триггером негативных эмоций с лидирующей скукой, оказавшейся полезной для ПНЮА-проекта. Современные методологии, о которых идет речь, часто объединяют термином «поворот», предполагая сдвиг и слом привычных парадигм, что благоприятствует формированию общего для разных дисциплин инструментария. Такой «поворот» — визуальный, мобильный, спациональный, коммуникативный и эмоциональный, вместе с широким выбором альтернативных компонентов, положен в основу каждого тома и представляет собой тему второго, теоретического, предисловия, которое следует за размышлениями о траекториях концепта «Южная Азия». Тем самым проект носит не только исследовательский, но и просветительский характер, что подтверждает «просоциальное поведение» авторов таких предисловий, создающих смысловую навигацию в рамках того или иного «поворота» и наполняющих его библиографический «омнибус». «Повороты» коренным образом меняют подход к исследуемому материалу: наряду с общей темой, они служат «склейкой», обеспечивающей междисциплинарность проекта.

Идея самого первого тома «Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты» была моей *idée fixe* с того момента еще двадцатилетней давности, когда я увидела, какие монументальные средства в виде общественных парков со скульптурными композициями брошены на проект переписывания истории Махараштры (Индия), региона моего особого внимания³¹. Десятки тысяч памятников гарцующего на коне Шиваджи (1627/30–1680), установленные повсеместно, будь то город³² или сельская местность не могут удивить живущих здесь маратхов — это неотъемлемая часть их повседневности. Посмертный взлет основателя первого государства маратхов начался в последней трети XIX в. и к концу XX в. достиг космических высот: о Шиваджи перестали говорить в ед. ч. и приступили к сотворению новых мифов, ликвидируя, в частности, причастность к его становлению представителей брахманских каст и объединяя его с популярными фигурами из других социальных слоев. Так появился парк, где Шиваджи встречается с Тукарамом, неграмотным поэтом из низкой касты, чьи песнопения также входят в национальную сокровищницу Махараштры. Свидетельства того, что их пути, в силу хронологического разрыва, не могли пересечься, остались на страницах прежних учебников, переписывание которых неизбежно последовало за установкой монументальной композиции: визуальный ар-

³¹ Глушкова И.П. История по заказу // Азия и Африка сегодня, № 6. 2002 С. 22–24.

³² Куликов Никита. Олицетворение величия. О памятниках Шиваджи в Мумбаи // Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура.... С. 428–434.

гумент, к тому же подкрепляемый кулаками армии многочисленных сторонников Шиваджи, стал самым надежным из приводимых когда-либо доказательств.

Незадолго до первой конференции ПНЮА с территории мемориального музея Шиваджи в г. Пуна под покровом ночи была демонтирована статуя его наставника-брахмана Дададжи Конддева, к которому он сам относился с глубочайшим пиететом³³. И уже который год идет подготовка к технически сложному и очень дорогому проекту — возведению 212-метрового памятника Шиваджи непосредственно в Аравийском море в 3–4 километрах от береговой линии Мумбаи/Бомбея. Предполагаемый монумент затмит на сегодняшний день самую высокую (в мире) 182-метровую «Статую единства», расположенную в соседнем с Махараштрой штате Гуджарат: это памятник первому министру внутренних дел независимой Индии Валлабхаи Пателю, соратнику-сопернику Джавахарлала Неру, первого индийского премьера, противостояние которых спустя много лет после смерти обоих реанимируют их приверженцы, тем более что в последние годы власть в Индии принадлежит выходцам из Гуджарата.

Собственно, Шиваджи мог бы стать переходящим героем всей серии ПНЮА. Второй том «Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности» рассматривает человека как *homo viator/mobilis* — через функцию движения, а мир вокруг — как порождение различных видов перемещений и циркуляций, сопровождаемых освоением / присвоением / преобразованием пространства. Основатель первого государства маратхов, Шиваджи добивался намеченной цели неожиданными набегами, внезапными атаками, покорением горных вершин, которые составляют достопримечательность Махараштры, и головокружительным с них спуском, в результате чего противники прозвали его «горной крысой». Он прославился хитроумным побегом из плена могольского императора и, согласно легендам, преодолением огромных расстояний в пол-Индии за считанные дни, если не часы. Воспроизведение многовекторных маршрутов героя, который всегда в движении, фактически является главным национальным спортом и особым ритуалом почитания Шиваджи в современной Махараштре.

Специальный «поворот» в основе третьего тома «Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств» мог бы обеспечить создание образа Махараштры как «страны Шиваджи», что объясняет топофилию ее жителей и одновременно их топофобию в виде демонизации тех историко-географических пространств, с которыми Шиваджи находился в конфликте. Махараштра насчитывает около 350, преимущественно, горных крепостей: некоторые из них были завоеваны Шиваджи, другие построены им или по его распоряжению. Каждая из них связана с каким-то реальным эпизодом или легендой из его жизни. Он родился в горном форте Шивнери, короновался и умер в назначенном им столицей Райгаде, к вершине которого ведут 1737 ступенек. Чтобы стереть территориальную память о Шиваджи, англичане разрушили Райгад после того, как в 1818 г. подчинили себе Махараштру, и только с конца XIX в. развалины крепости снова стали объектом паломничества. Особая карта Махараштры, символизирующая ее величие и сакральность, представляет собой топографию всех крепостей, связанных с именем Шиваджи.

Коммуникативистика в основе четвертого тома «Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразования» способствует исследованию двух полярных категорий, которые лежат в основе форм и стратегий социально-политического и этно-религиозного поведения людей и обществ в любые времена и охватывают все области межличностных, межрегиональных и межгосударственных отношений. Необузданная брань и проклятия в адрес

³³ Глушкова Ирина. Нет памятника, нет проблемы. Дебрахманизация национального героя Махараштры // Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура.... С. 435–476.

Шиваджи его противников составляет содержание многих исторических документов, а его славословие и возвеличивание начались еще при его жизни с поэмы, созданной придворным пиитом. В начале XXI в. «Шивабхарата», или «Сказание о Шиваджи», переведенное с санскрита на английский Джеймсом Лэйном³⁴, а затем его же исследование «Шиваджи. Индусский царь в исламской Индии»³⁵ о том, как корректировались легенды о великом маратхе по мере удаления от реальной исторической эпохи и росте его посмертной славы, стали объектом ниспровержения из-за нескольких фраз, вызывавших недовольство современных фанатов. После разгрома всемирно известного Института востоковедения им. Бхандаркара в Пуне, библиотечкой которого пользовался американский религиовед, и приведения в исполнение угроз физического насилия в отношении ученых, оказавших ему помощь, обе книги в Махараштре были запрещены. После многолетних судебных разбирательств, адвокаты Лэйна в конечном счете выиграли дело, но въезд для Лэйна в регион, изучению которого было делом его жизни, оказался закрыт навечно³⁶.

«Эмоциональный / аффективный поворот» и практически не описанная для Южно-Азиатского ареала палитра чувствования стали основой пятого тома «Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: введение в стандарты и практики эмоций». Вовсе не стихийные и не иррациональные, эмоции оценивают, направляют и оправдывают поведение в социуме и истории, а движимые общими чувствами коллективы создают «эмоциональные сообщества», как это можно проиллюстрировать на примере банды молодчиков, с железным цепями и дубинками налетевших на Институт востоковедения им. Бхандаркара и уничтоживших десятки экземпляров древних и средневековых рукописей. В 1926 г. хиндиязычный поэт Нирала в поэме под названием «Письмо махараджи Шиваджи мирзе радже Джаю Сингху» облил презрением полководца-индуса на службе у иноверца — могольского императора, чьими хитростями Шиваджи был принужден к капитуляции и впоследствии пленен. В исторических условиях антиколониальной борьбы в Индии «Письмо» было аллегорией, выразившей презрение к коллаборационистам любого рода и взывало к эмоциям единомышленникам, через века разделивших чувства негодования в отношении Джая Сингха, который искусным маневрированием заманил Шиваджи в ловушку³⁷.

Пример одного и того же исторического персонажа, потенциально кочующего из тома в том, иллюстрирует как принципы построения томов³⁸ проекта, так и то, что они находятся в отношении друг друга, словно сообщающиеся сосуды. Методология «поворотов» обладает невероятной энергетикой: она обостряет восприимчивость и позволяет исследователю удивить самого себя, наталкивая на мысли, существование которых он не предполагал, и подводя к выводам, после которых он, скорее всего, захочет хотя бы в тиши собственного кабинета воскликнуть: «Эврика!»

³⁴ Laine James W. in collaboration with Bahulkar S.S. The epic of Shivaji. Kavindra Paramananda's *Shivabharata*. Hyderabad: Orient Longman, 2001. 386 p.

³⁵ Laine James W. Shivaji. Hindu King in Islamic India. New Delhi: Oxford University Press, 2003. 127 p.

³⁶ См. Лэйн Джеймс В. Ответ моим критикам, ответ моим защитникам. Как создавались нарративы о Шиваджи // Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура... С 477–502.

³⁷ Ванина Евгения. Презрение через века, или Унижение исторического героя // Под небом Южной Азии. Стыд и гордость... С. 242–268.

³⁸ Вектор настоящей статьи не позволяет подробно описать экспериментально-гибридную стилистику томов, которые помимо аналитических статей включают переводы поэзии, образцов драматургии, документов, писем, мемуаров, медийных новостей и прочих видов текстов, а также визуальные материалы для полноты раскрытия той или иной тематики и воспроизводства голографического отражения жизни.

«Не вообще, а в частности»

Третий ориентир проект-группы ПНЮА сформулирован в ее девизе — «не вообще, а в частности» — и воспроизводится на авантитуле всех опубликованных томов. Фактически эта формулировка накладывает запрет на банальности и «вид сверху» вместе с требованием конкретики в событийном контексте и свежести источников: мы ищем детали и факты, а не общие представления, нередко «изобретаемые» воображением исследователя. «Не вообще, а в частности» как аналитический вектор проекта нацелен на сложение общей картины из того, что располагается «под небом», только если это позволяют частности. Такой подход, с одной стороны, выявляет структурные закономерности, на разных — от физического до метафизического — уровнях соединяющие между собой Индию, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланку и Мальдивы; и с другой, дает оценку (не)жизнеспособности концепта «Южная Азия» не через сотрудничество этих стран в региональных ассоциациях, а через частности, на обнаружение которых нацелен проект.

Драматический диалог мужчины и женщины на пронзительно-желтом переплете последнего тома, на который я еще не посмотрела, напоминает мне и о том, что еще одной целью, которую я ставила перед собой, намереваясь преодолеть профессиональную скуку, был поиск единомышленников. Упомянутый выше Тукарам, который вопреки монументальной скульптурной композиции, никак не мог встретиться с Шиваджи, пропел в одном из своих сочинений: *Пусть встретится мне кто из касты моей, / прервать чтоб страсть к мирскому, // нравится Хари кому всем нутром, / по такому душа изнывает*. Поэта, впрочем, волновала не каста как социально-историческая единица, а группа единомышленников, с кем бы его объединяли любовь к богу Виттхалу, известному в Махараштре под разными именами, в том числе, Хари, и радость совместного исполнения гимнов. Именно такую группу, «в которой люди имеют общие подходы, интересы, ценности и цели», американский историк средневековья Барбара Розенвейн назвала «эмоциональным сообществом»³⁹. Создателям первых пяти томов ПНЮА (еще два стоят в наших планах) — редакторам, авторам, переводчикам — удалось, по моему мнению, стать таким сообществом, что (наконец) рождает новый ступок, на это раз положительных, эмоций — гордости, радости, восторга, удивления, удовлетворения и т.д.

Список литературы

- Ванина Евгения. Презрение через века, или Унижение исторического героя // Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: стандарты и практики эмоций / Рук. проекта и отв. ред. И.П. Глушкова. М.: ИДВ—Восточная литература, 2021. С. 242–268.
- Ванина Е.Ю. Проект ПНЮА — 10 лет: «под небом» и «на земле» Южной Азии // Вестник Института востоковедения РАН, 2021. № 2 (16). С. 234–240.
- Глушкова И.П. История по заказу // *Азия и Африка сегодня*, № 6. 2002 С. 22–24.
- Глушкова Ирина. Идея этого раздела // *Язык до Индии доведет. Памяти А.Т. Аксёнова*. / Отв. ред. И.П. Глушкова. М.: Восточная литература, 2008. С. 243–253.
- Глушкова Ирина. Нет памятника, нет проблемы. Дебрахманизация национального героя Махараштры // Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. И.Т. Прокофьева. М.: Наука—Восточная литература, 2014. С. 435–476.
- Куликов Никита. Олицетворение величия. О памятниках Шиваджи в Мумбаи // Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. И.Т. Прокофьева. М.: Наука—Восточная литература, 2014. С. 428–434
- Лэйн Джеймс В. Ответ моим критикам, ответ моим защитникам. Как создавались нарративы о Шиваджи // Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий,

³⁹ Rosenwein Barbara H. Emotional Communities... University Press. P. 24.

- идеологий и этносов через материальные объекты / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. И.Т. Прокофьева. М.: Наука—Восточная литература, 2014. С 477—502.
- Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. И.Т. Прокофьева. М.: Наука—Восточная литература, 2014. 607 с.
- Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. С.Е. Сидорова. М.: Наука—Восточная литература, 2015. 911 с.
- Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. А.В. Бочковская. М.: Наука—Восточная литература, 2016. 799 с.
- Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. Е.Ю. Ванина. М.: Наука—Восточная литература, 2017. 927 с.
- Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: стандарты и практики эмоций / Рук. проекта и отв. ред. И.П. Глушкова. М.: ИДВ—Восточная литература, 2021. 917 с.
- Aminah Mohammad-Arif*. Introduction. Imaginations and Constructions of South Asia: An Enchanting Abstraction? / 'The Ideas of South Asia. SAMAJ, no. 4, 2010. <https://doi.org/10.4000/samaj.3800> (access date 25.10.2021).
- Beaekley Horace*. A Tour in Southern Asia (Indo-China, Malaya, Java, Sumatra, and Ceylon (1925—1926). London: John Lane—The Bodley Head Limited, 1928. 297 p.
- Bondy Liz*. Chapter 17. The Place of Emotions in Research: from the Partitioning Emotion and Reason to the Emotional Dynamics of Research Relationship // Emotional Geographies / Ed. by Joyce Davidson, Liz Bondy & Mick Smith. Aldershot: Ashgate, 2005. Pp. 231—242.
- Davies James, Spencer Dimitrina*. Emotions in the Field: The Psychology and Anthropology of Fieldwork Experience. Stanford (California): Stanford University Press, 2010. 288 p.
- Elpidorou Andreas*. The bright side of boredom // Frontiers in Psychology. Theoretical and Philosophical Psychology. Vol. 5, article 1245, 2014.
- Emotion and the Researcher: Sites, Subjectivities and Relationships. Vol. 16 (Studies in Qualitative Methodology) / Ed. by Tracey Loughran, Dawn Mannay Dawn. Bingley (UK): Emerald Publishing Limited, 2018. 242 p.
- Emotions in the Field: The Psychology and Anthropology of Fieldwork Experience / Ed. by James Davies, Dimitrina Spencer. Stanford (California): Stanford University Press, 2010. 288 p.;
- Hochschild Arlie Russel*. The Managed Heart. Commercialization of Human Feeling. Berkeley, CA: University of California Press, 1983. 307 p.
- Iwanek Krzysztof*. Is the Term 'South Asia' Correct? When should we use the word «India,» and when should we use «South Asia»? / <https://thediplomat.com/2021/03/is-the-term-south-asia-correct/> (access date 01.11.2021).
- Jasper James M.* The Emotions of Protest. Chicago—London: The University of Chicago Press, 2018. P. 304.
- Laine James W.* in collaboration with Bahulkar S.S. The epic of Shivaji. Kavindra Paramananda's *Sivabharata*. Hyderabad: Orient Longman, 2001. 386 p.
- Laine James W.* Shivaji. Hindu King in Islamic India. New Delhi: Oxford University Press, 2003. 127 p.
- Lo Bosco Maria Concetto*. Feelings in the Field. The Emotional Labour of the Ethnographer // Anthropology in Action. Journal for Applied Anthropology in Policy and Practice, 2021. URL: <https://www.berghahnjournals.com/view/journals/aia/28/2/aia280202.xml> (access date 16.10.2021);
- Loughran Tracey, Mannay Dawn*. Introduction: Why Emotions Matters // Loughran Tracey, Mannay Dawn (eds). Emotion and the Researcher: Sites, Subjectivities and Relationships. Vol. 16 (Studies in Qualitative Methodology). Bingley (UK): Emerald Publishing Limited.
- Lynch Owen M.* Introduction // Divine Passions. The Social Construction of Emotion in India. // Ed. by Owen M. Lynch. Delhi: Oxford University Press, 1990. Pp. 3—36.
- Malcolm Howard*. Travels in South-Eastern Asia: Embracing Hindustan, Malaya, Siam and China; with Notices of Numerous Missionary Stations and a Full Account of the Burman Empire; with Dissertations, Tables, etc. Boston: Gould, Kendall, and Lincoln, 1839. 432 p.M
- Mann Sandi*. The Science of Boredom. The Upside (and Downside) of Downtime. London: Robinson, 2017. 336 p.
- Pernau Margrit*. Studying emotions in South Asia // South Asian History and Culture, vol. 12, nos 2—3, 2021. Pp. 111—128.
- Rosenwein Barbara H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca—London: Cornell University Press, 2006. P. 248.
- Van Tilburg W.A.P., Igou E.R.* On boredom and social identity: A pragmatic meaning-regulation approach // Personality and Social Psychology Bulletin. Vol. 37. No. 12. Pp. 1679—1691.
- Van Tilburg W.A.P., Igou E.R.* On boredom: Lack of challenge and meaning as distinct boredom experiences. Motivation and Emotion. Vol. 36. No. 2. 2012. Pp. 181—194.